

Б. Ш. Загуляева, Прикильмезские говоры удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1980.

19 января 1981 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук при Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации старшим научным сотрудником Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров Удмуртской АССР Б. Ш. Загуляевой на тему «Прикильмезские говоры удмуртского языка» (научный руководитель — доктор филологических наук профессор П. Алвре, Тарту). Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Г. М. Керт (Петрозаводск) и кандидат филологических наук Т. И. Тепляшина (Москва).

Прикильмезские (проще — кильмезские) говоры распространены на пограничной территории: с запада они соприкасаются с русскими говорами Кировской области, с севера — с севернoudмуртским наречием, с юга — с южнoudмуртским, с востока — с группой среднево-сточных говоров, по отношению к которым кильмезские являют собой среднезападные удмуртские говоры. Исследуемые диалектные подразделения автор именуется гуринским и селтинским говорами, а копкинский — промежуточный между указанными говорами — подговором.

Удмуртская диалектология остается отсталой отраслью языкознания, потому необходимость системного описания диалектной разновидности или группы их несомненна. Пока создание сводного труда не представляется еще возможным. Выбор темы Б. Ш. Загуляевой поэтому не случаен, к тому же говоры бассейна р. Кильмезь до сего времени не были предметом специального исследования.

Первая глава посвящена фонетической структуре кильмезских говоров. Звуковая система (7 гласных и 29 согласных фонем), по наблюдениям автора, соответствует принятой в литературном языке. Б. Ш. Загуляева показывает закономерность сочетаемости того или иного звука в пределах диалектного слова. Она приходит к выводу, что не все фонемы кильмезских говоров обладают одинаковой

сочетаемостью. Так, некоторые гласные абсолютного начала слова не способны сочетаться с определенными согласными: *u* не может сочетаться с *v*, *d'*, *ž*, *p*; анлаутная гласная фонема *e* не сочетается с *d'*, *ž*, *ž*, *ž*, *r*, *ž*. С помощью квантитативного анализа автор рассматривает все гласные и согласные начала, середины и конца слова. Отмечается звуковая корреспонденция группы кильмезских говоров, характеризующаяся тем, что диал. *e* используется на месте лит. *e* (*õ*): *es* 'дверь' (лит. *õc*), *šed* 'черный' (лит. *šõd*), *ded'i* 'сани' (лит. *dõdby*); *i* перед мягким согласным употребляется на месте лит. *i* (*vi*): *vil* 'новый' (лит. *vily*), *bižni* 'бежать' (лит. *byžbyny*), *gurtis* 'из деревни' (лит. *gurtys*); в единичных случаях встречаются соответствия: *e* — *i* (*vi*): *keče* 'какой' (лит. *kyc̄e*), *i* — *u* (*y*): *miñčo* 'баня' (лит. *munčo*), *e* — *e*: *šetini* 'найти, находить' (лит. *šed̄byny*), *i* — *u* (*y*): *jibo* 'столб' (лит. *jubo*), *e* — *o*: *nene* 'сосет' (лит. *non̄e*). Интересны наблюдения над выпадением отдельных слогов типа *učkali* < *učki ali* 'смотри-ка', *vetlaj* < *vetli aj* 'сходи-ка' и т. п. (с. 39).

Во второй главе анализируется морфологическая структура говоров Прикильмезья. Автор констатирует употребление суффикса мн. числа *-as* существительных после основ на *-a*: *korka-as* 'дома' (*korka* 'дом'), *bakča-as* 'огороды' (*bakča* 'огород'). В исследовании выясняется, что кильмезские существительные изменяются по 13 падежам (с. 92). В них отсутствует направительный падеж и редко используется соответственный, функционирующие в литературном языке. Некоторые падежи имеют иные по сравнению с литературным языком значения. Так, аккузатив ед. числа иногда употребляется вместо сочетания существительного с послелогом *vile* 'на': *mar-o kočišez šalaškod?* вместо лит. *Mar-o kočyш vyl̄e šyals̄yškod?* 'Почему ты плюешь на кошку?' (с. 94); дательный

падеж на *-li* вместо сочетания существительного с послелогом *ponna* 'за': *so kišnomurtlen niliz ħemesjosli užani minem vīlem* (Лемы) вместо лит. *So kšimonomurtlėn nilyz ħemečės ponna užani mynėm vylėm* 'Дочь той женщины, оказывается, пошла работать на немцев' (Там же). Сочетание существительного с послелогом *dorin* 'у' может замещаться дательным падежом: *so vžvodlen komandirez vīlem ħemesjosli*, ср. лит. *So vžvodlėn komandirez vylėm ħemečės dorin* 'Он был, оказывается, командиром взвода у немцев' (Там же). Впервые Б. Ш. Загуляева отметила использование сочетания с послелогом *šori* вместо разделительного падежа литературного языка: *kuara šori gīne no kiška pe so* (Федоры), ср. *kuaralės gīnė no kyska pe so* 'даже и голоса, видно, боится он [мédведь]' (Там же). Полно представлены парадигмы притяжательного склонения существительных (с. 95—98), местоимений (с. 110—119). По свидетельству автора, в кильмезских говорах употребляется словообразовательный суффикс *-li* (с. 98—99). Как известно, то же характерно для территориально близких к ним средневожочных говоров: *užanti* 'место работы', *kėlonti* 'ночлег', *šiškonti* 'столовая' и др. (см. С. К. Бушмакин, Морфологические особенности средневожочных говоров удмуртского языка. — СФУ V 1969, с. 61). В литературном языке этот суффикс не имеет широкого применения. Понятие, передаваемое им, соответствует послеложному сочетанию с *инты* 'место': *ужан инты, кóлон инты* и т. д.

При рассмотрении прилагательных засвидетельствована инновация, ранее не отмеченная: присоединение исконного форманта сравнительной степени *-gem* (*-ges*) к русским заимствованиям: *meššegem* (*-ges*) 'меньше', *koročegem* (*-ges*) 'короче', *luččegem* (*-ges*) 'лучше' (с. 102). Необычный пример *pičipašta* 'узкий' — *pičipaštagem* (*-ges*) 'ўже' записан у носителей кильмезских говоров, в других говорах не встречается. Словоформа *pičipašta* представляет собою сочетание *piči* 'маленький' и *pašta* 'ширина' и означает 'узкий', лит. *šuleg*. Для выражения высшей сте-

пени качества используются специфические лексемы *ħu'lit*, *lišnoj* 'очень, слишком', до сих пор не засвидетельствованные диалектологами.

Обращает на себя внимание активное использование в Прикильмезье русских числительных вместо живых удмуртских: *pjat'*, *d'ešet'*, *dvenacet'* (с. 109), а также сочетание русских числительных: *sorok ižtorom godu mi koškim* (Лемы) 'мы уехали в сорок втором году'; *sutskiz dvatcat' kilometrov tel'* 'двадцать километров леса сгорело' (Там же). Автором обнаружено ранее не отмеченное в удмуртском языке слово, выражающее количество: *to-nkok* 'полно, много' (с. 106). Фиксация отсутствия признака дробных числительных *-mos* типа *kik vit'mos* ^{2/5}, *vit' dasmos* ^{5/10} на Кильмези позволит уточнить его бытование в других срединных говорах и очертить изоглоссы.

Ряд отличий характеризует кильмезские местоимения. Аблатив личных местоимений выступает в форме *mištīm* (< *mi-neštīm*) 'от меня', *tištīd* (< *tineštīd*) 'от тебя' (с. 110). Указанная форма известна и в других районах распространения срединных говоров. Она отмечена в средневожочных говорах (С. К. Бушмакин, указ. раб., с. 65) и нам известна в смежном с ними итинском. Западные границы данной формы до исследования Б. Ш. Загуляевой не были установлены. Датив личных местоимений мн. числа имеет показатель *-li*: *milemli* 'нам', *tiledli* 'вам'. Удмуртскому литературному языку известны две формы датива 1 и 2 л. мн. числа: *milemli*, *milem* 'нам', *tiledli*, *tiled* 'вам', т. е. с окончанием *-li* и без него. Первые распространены на значительной части удмуртской языковой территории — как севернудмуртской, так и южнудмуртской. В пределах переходных (срединных) говоров они бытуют лишь в зоне кильмезских; смежные с ними средневожочные и итинские говоры предпочитают второй вариант. Кильмезский винительный падеж личных местоимений мн. числа с характерным окончанием *-diz* (*milemdiz* 'нас', *tiledidiz* 'вас'), контаминированным от севернудм. *-di* + южнудм. *-iz*, несет в себе свойство всех срединных говоров. Автор приводит и другие

своеобразия местоимений Прикильмезья.

Работа Б. Ш. Загуляевой позволяет уяснить более точные границы распространения *k*-овых форм глаголов I спряжения настоящего времени 1 и 2 л.: *minko* (лит. *мынiсько*) 'иду', *minkod* (лит. *мынiськод*) 'идешь', *minkom(i)* (лит. *мынiськомы*) 'идем', *minkodi* (лит. *мынiськoды*) 'идете' и т. п. Автор отмечает, что усеченные формы встречаются лишь в зоне селтинских говоров, копкинский и гуринский обладают неусеченными формами. Изоглоссы *k*-овых форм к западу от средневосточных говоров до сих пор не были уточнены, поскольку отсутствовали данные по кильмезским говорам. Впервые отмечается вариант глаголов I спряжения настоящего времени 1 и 2 л. с *-sk-*: *misko* (лит. *мынiсько*) 'иду', *toskodi* (лит. *тодiськoды*) 'знаете', а также их отрицательные соответствия (с. 122), свойственные копкинскому говору.

В удмуртском литературном языке употребляются два ряда форм неочевидного прошедшего времени: в состав одного последовательно включаются личные суффиксы, в составе другого они отсутствуют. Такой (двойной) порядок употребления наличествует и в пределах кильмезских говоров, однако маркированные формы в составе личного окончания отличаются гласным *i* на месте лит. *ę*: *budem* и *budem-id* (лит. *будэмeд*) 'ты вырос, оказывается', *изат* и *изат-iz* (лит. *ужамeз*) 'он работал, оказывается' (с. 126). Для средневосточных и итинского говоров характерны немаркированные формы 2 и 3 л. По свидетельству автора, носители кильмезских говоров пользуются аналитическим способом отрицания при форме неочевидного прошедшего времени, т. е. сочетание отрицательного слова *ęvel* (лит. *өвөл*) с личной формой глагола: *ęvel aźže-mid* 'ты не заметил, оказывается', *ęvel veramis* 'он не сообщил, оказывается'. В литературном языке, кроме того, существуют синтетические формы (*адзымтэ, верамтэ*). Б. Ш. Загуляева приводит новые формы условного наклонения — обычные для удмуртского языка формы с неизменяемыми при них вспомогательными глаголами *val* 'был' и *vilem* 'было': *minsal*

val 'я пошел бы', *ton minsalid val* 'ты пошел бы', *so minsaliz val* 'он пошел бы' (с. 131). Закономерность обязательного сочетания формы смыслового глагола условного наклонения с *val* как средством усиления условности, по утверждению автора, распространяется на гуринский и копкинский говоры. Можно добавить, что аналогичное явление, к сожалению, не введенное в научный оборот, имеет место в итинском говоре: кильм. *so*oži ej lešti-saliz val* (с. 132), итин. *so oži ej leštišal val* 'он так не поступил бы'.

Исследование Б. Ш. Загуляевой построено синхронно, потому в нем отсутствует историческое прочтение диалектных явлений, однако при анализе материала следовало бы учесть и отметить те характерные явления, которые нашли отражение в работах предшественников.

Говоры, окружающие кильмезские с севера и юга, не описаны, поэтому автор не могла провести типологические наблюдения; имеющиеся в работе сопоставления отдельных явлений с фактами некоторых других диалектов носят случайный характер. Основной недостаток работы — предельно мал фактический материал, что привело автора к оперированию одними и теми же примерами в разных частях работы. В приложениях приводятся образцы речи в основном лишь носителей селтинского говора.

На с. 26 и в выводах на с. 88 (п. 4) утверждается, что в абсолютном начале слова *e* перед мягким согласным не встречается. В примерах этот звук появляется перед *j* и другими согласными, что указывает на активное его употребление (см. с. 26, 38, 65, 66, 125—126, 131—132). Нет полного соответствия текста с таблицей. Так, гласная фонема *u*, по свидетельству автора, не может сочетаться с *p* (с. 65), а в таблице на с. 66 дается возможное сочетание *up*. Аналогично утверждение относительно невозможности сочетания фонемы *a* с *m* и *č* (с. 65); в таблице на с. 66 указываются *am, ač*. На с. 70 подчеркивается, что *i* рассматриваемых говоров не сочетается с аффрикатой *č* (нет *ič* и в таблице), в словаре же даны слова *ičkaltini, ičkani*.

В примерах противопоставления гласных на с. 19—20 фонемы *e* и *ę* пропущены. Гласные *e, ę* — это те звуки,

поведение которых для исторической диалектологии представляет исключительный интерес, поэтому в данной работе недостаточно констатация, что «в кильмезских в некоторых словах фонема *e* употребляется на месте *ε* литературного языка» (Там же).

Сомнительно утверждение о том, что согласный *η* в кильмезских говорах не выполняет фонематической функции. Возможно, эта фонема начинает переживать процесс утраты своей основной функции в речи среднего и молодого поколения, но материалы работы не отражают его. Напротив, в них заднеязычный *η* систематически встречается в словах *z̄iŋi* 'половина', *puŋit* 'против, навстречу', *čaŋa* 'галка (птица)', *aŋa* 'участок земли' (с. 48), известных и в других диалектах с тем же характерным *η*. Таким образом экстралингвистические факторы не исключают бытования *η* в кильмезских говорах как особой фонемы. Автор утверждает, что *l* — качественно не ослабленный звук — употребляется в середине слова. Примеры: *valani* 'понять', *valektini* 'объяснить', *mali* 'почему' и др. (с. 49). Далее, на с. 62 и 63, приводятся примеры, в которых в интервокальном положении *l* исчезает: *malpačad* (лит. *malpalod*) 'будешь думать', *pirteε* (лит. *pyrtэлэ*) 'занесите', *vačkaa* (лит. *вашкала*) 'раньше, в старину' и т. п., причем есть приписка «нами зафиксированы одни и те же примеры во всех говорах одинаково» (с. 63). Не верен вывод автора, что в области ассимиляции и диссимиляции согласных прикильмезские говоры не имеют существенных отличий от иных удмуртских диалектов (с. 62). Материал работы показывает, что в отличие от других срединных говоров под диссимиляционным воздействием *š* и *ž* следующего слога твердые аффрикаты *č* и *ž* смягчаются: *čašetni* (лит. *čашетыны*) 'шуметь', *čužni* (лит. *чужыны*) 'подмести', *kežžož* (лит. *кѳт-жож*) 'обида'. Это наблюдение Б. Ш. Загуляевой очень важно для удмуртской (и пермской) диалектологии, но оно не проведено последовательно, потому в текстах встречаются противоречия: *čužkušman* (с. 44), *čužkušman* (с. 52); *ziš*

(с. 50), *ziš* (с. 54) 'желудок, брюшина'; на с. 48 приведен ряд примеров, в которых диссимиляция не отражена; нет последовательности передачи этого явления и в словаре. В литературе указывается, что диссимиляция шипящих в позиции -Vš-, -Vž- закономерна на бесермянской, верхнеижской, кукморской, закамской диалектных территориях. Регрессивно-ассимиляционные отношения между анлаутными аффрикатами и последующими шипящими и свистящими известны еще в общепермском языке (Д. В. Бубрих, Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск 1948, с. 96—97). Сохранение древнепермских аффрикат в первом слоге после гласного в Прикильмезье известно лишь в районе селтинских говоров, в выводах же оно обобщается по всем кильмезским говорам.

В разделе морфологии регистрируется ряд существенных черт кильмезской группы говоров, например, образование многократного вида с помощью форманта *-lja-* (у автора то *-lj-*, то *-lja-*) от глаголов II спряжения. Это свойство, ведущее свое начало из общепермского периода, заслуживает особого внимания, поэтому недостаточно иллюстрация его двумя уже известными примерами (с. 134). Необходим также более подробный анализ данного явления.

К диалектным особенностям Прикильмезья относится распространение деепричастного суффикса *-ki* вместо лит. *-ku*: *ližžiki* 'читая, во время чтения', *dišetkiki* 'во время учебы' (с. 139). По мнению автора, показатель деепричастия *-ki* характерен лишь для южноудмуртских диалектов, что якобы связывает кильмезские с последними. Неоднократно отмечалось широкое его применение и к северу от описываемых говоров (Т. И. Тепляшина, Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 21. Филология, Ижевск 1970, с. 182) и к востоку (С. К. Бушмакин, указ. раб., с. 69). Не ясна закономерность употребления лично-притяжательных суффиксов при форме 1 и 2 л. ед. числа творительного падежа местоимений. В парадигме склонения личных местоимений на с. 110 дается *monem-ŋm* (1 л.), но *tonen* (2 л.), т. е. без нараще-

ния лично-притяжательного суффикса. В других переходных говорах в таких случаях последовательно присоединяется лично-притяжательный суффикс.

Противоречия встречаются и в разделе «Глагол». На с. 123 отмечается, что в копкинском говоре сочетание конечных согласных основы *t, d* с суффиксальным *š* дает *č*: *točko* < *todško* < *todiško* 'знаю', в парадигме спряжения на с. 129 указывается, что сочетание смычных *t* и *d* с последующим *š* в виде аффрикаты *č* выступает в гуринском говоре. Б. Ш. Загуляева пишет, что 3 л. ед. и мн. числа в формах будущего и прошедших времен имеет показатель *-z*: *veraloz* 'он скажет', *veralozī* 'они скажут'; *veraz* 'он сказал', *verazi* 'они сказали'; *veramiz* 'он сказал, оказывается', *veramizi* 'они сказали, оказывается' (с. 120). В парадигме спряжения на с. 127 формы 3 л. ед. и мн. числа неочевидного прошедшего времени представлены без личных окончаний:

užam вместо ожидаемого *užamiz* 'он работал, оказывается', *užallam* вместо *užallamzi* 'они работали, оказывается'. В говоре селений Вылынгурт и Малые Сюмси, который автор относит к копкинскому подговору (иногда именуемому говором), суффикс причастия получает *i*-овую огласовку: *bud-iš* 'растущий', *min-iš* 'идуший', *puk-iš* 'сидящий' (с. 136), ему соответствует лит. *-iš* (*-iŭs*): *будiŭсь*, *мыниŭсь*, *пукись*. Аналогичные примеры приводятся на с. 137, в частности, *vuriš-kištem* 'без портного, без шьющего', при котором пометка *гур.* (гуринский говор). В выводах на с. 159 утверждается, что отличительной чертой описываемых говоров является употребление суффиксов действительного причастия настоящего времени в огласовке *i* (*-iš*). Совершенно непонятно, в каких ареалах на Кильмези произносятся *-iš*, в каких — *-iŭs*. Б. Ш. Загуляева пишет, что в кильмезских говорах послелог с основой *pal-* принимает окончание *i* вместо лит. *a* (*пала*) (с. 93); правильное: послелог *palī* соответствует

лит. *pala*. Однако в выводах на с. 156 — иное утверждение: вместо местоименной формы направительного падежа употребляется послеложная конструкция *ton pala* (с *a*-овой огласовкой — Т. Т.).

Перечисленные диалектные явления, не получившие в работе определенной квалификации, служат дистинктивными признаками диалектного членения в удмуртском языке.

Бросается в глаза неупорядоченность терминологии, например, в названиях рядов местоимений, послелогов. На с. 102 ошибочно утверждается о наличии превосходной степени прилагательных, на с. 143 — наречий. Судя по представленным материалам, высшая степень качества прилагательных и наречий передается с помощью усилительных слов, следовательно, особых форм превосходной степени не существует. Нет их и в смежных с кильмезскими говорах. Работа не лишена досадных описок: к сонорным ошибочно отнесен *k* (с. 68), к возвратным глаголам — *kučkini* (лит. *кутскыны*) 'начать, начинать' (с. 135), *točko* (лит. *тодiŭсько*) 'знаю' (с. 55). В словаре не проставлены диакритические знаки (дужки снизу), поэтому выведенные в заглавие слова с *ę, i* отсутствуют. По данным работы не ясен статус кильмезских говоров, ибо различаемые автором самостоятельные диалектные разновидности имеют сходство со смежными говорами. Б. Ш. Загуляева не акцентирует специфические отличия каждого из выделяемых говоров, но по материалу работы прослеживается явная связь селтинских говоров с средневосточными, гуринских — с косинскими, расположенными на территории Кировской области. Сбивчиво даны особенности копкинского подговора.

Работа Б. Ш. Загуляевой как первый опыт исследования говоров бассейна р. Кильмезь — большой шаг в удмуртской диалектологии. Во многих отношениях анализ материала выполнен хорошо. Работу удачно дополняют таблицы. Новые данные, собранные автором в полевых условиях, будут способствовать решению ряда проблем истории удмуртского языка.

Т. И. ТЕПЛЯШИНА (Москва)